

Ханна и Элеанор стоят напротив друг друга в центре гостиной, остальные Уэйверли переводят испуганные взгляды с них на грохочущую дверь и обратно. Они не понимают, о чем говорят взрослые, а бушующее за дверью существо нагоняет на них страх. Дети жмутся друг к другу, ожидая решения старшей сестры.

Девушка шокировано смотрит на Ханну:

— Но... но ты так не хотела говорить о смерти своего брата...

— В этом-то и проблема, — с решимостью отвечает Ханна. — Мои секреты держали его связанным по рукам и ногам, не позволяя вырваться.

— Ханна, — в разговор вмешивается Кларисса, — вы никогда не говорили нам, что у вас был брат.

— Что с ним случилось? — едва слышно спрашивает Саймон, цепляясь за руку сидящей рядом сестры.

— И что именно вы имеете в виду? — задает самый трудный вопрос пронизательный Томас. Но решать, отвечать на него или нет, предстоит не Ханне.

— Что ж, Элеанор, я могу рассказать им?

Элеанор склоняет голову, ее глаза опущены. Ей трудно решиться на этот важный шаг, ведь в обмен на эту правду ей предстоит рассказать свою, а она столько лет хранила свой страшный секрет.

— Поделись своим секретом, — едва слышно просит она, не решаясь смотреть Ханне в глаза, — и я попытаюсь сделать то же самое.

Ханна подходит к ней ближе, кладет ладони на ее плечи и с теплотой в голосе произносит:

— Спасибо тебе, Элеанор.

Привычные слова благодарности несут совсем иной смысл, понятный только им двоим. Элеанор слышит в них и сочувствие, и извинения, и поддержку. Ханна делает глубокий вдох, а ее глаза становятся влажными. Ей тяжело вспоминать о Джонатане.

— Год назад мой брат приехал из колледжа на каникулы. Он пошел на вечеринку с друзьями, но той ночью, когда он ехал назад... — Ханна начинает запинаться. Она нервно тербит край своей рубашки и смотрит себе под ноги, борясь с застилающими глаза слезами. — Он... он съехал с дороги. Пропустил поворот и упал прямо с края оврага.

— Это ужасно... Ханна, мне очень жаль.

— Спасибо, Томас, но это не все. Дальше только хуже, — девушка делает короткую паузу, оглядывает своих слушателей. Уэйверли слушают ее, затаив дыхание, но всех внимательнее вслушивается Элеанор. — Нас с родителями позвали на опознание тела. Я никогда не ревела так сильно, как в тот день. И я продолжала плакать всю дорогу до дома. А потом... потом я нашла его письмо.

— Ханна, — вмешивается Элеанор, смотря на девушку с сочувствием, — ты не должна рассказывать нам все, если не хочешь.

— Вот только... я должна, — говорит Ханна с полной уверенностью.

Она подходит к окну и смотрит на освещенный луной снег, по стеклу расползаются хрустальные узоры. Здесь красиво, но все это ненастоящее. Девушка с грустью вздыхает и отворачивается от окна. Впереди самая неприятная часть истории, та самая тайна, которую Ханна хранила на протяжении целого года. Хотя «хранила» это громко сказано, скорее прятала ото всех, даже от себя. Вспоминать о том, что произошло с братом, ей не хотелось.

— Это... это не было несчастным случаем. Когда Джонатан покинул в тот день дом, он знал, что не вернется...

Ханна делает небольшую паузу, собираясь с силами. Три пары детских глаз устремлены на нее, и лишь Элеанор смотрит куда-то в сторону. Она единственная здесь понимает девушку, понимает, как тяжело расставаться с собственными тайнами.

— Мой брат хотел умереть, а я и понятия не имела. Я подвела его, — Ханна впирается ногтями в ладони, борясь с желанием разреветься и пожалеть себя. — Нет, все даже хуже. Я солгала, чтобы скрыть это.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает Элеанор, опуская ладонь на плечо девушки.

Этот теплый жест немного успокаивает Ханну. Она разжимает кулаки и продолжает, смотря Элеанор прямо в глаза, как будто говорит это лишь ей одной:

— Я уничтожила письмо. И я никогда не рассказывала правду ни родителям, ни друзьям, ни кому бы то ни было.

Эти слова шокируют Элеанор. Она смотрит на Ханну широко раскрытыми глазами. По ее напряженному лицу видно, что она подбирает подходящие слова. Наконец ей это удается:

— Ханна, мне так жаль... Я понятия не имела...

— Призрак моего брата назвал меня лгуньей, — продолжает Ханна, понимая, что просто обязана сказать это. — Я не хотела этого признавать, но он прав. Я врала всем вокруг с того самого дня, как он умер. Но сегодня конец этой лжи.

На лице девушки появляется неподдельная уверенность. Она наконец смогла избавиться от тяжкого груза, который несла в одиночку слишком долго.

— Джонатан, если ты слышишь меня, прости. Я сказала себе, что защищаю твою память, но на самом деле просто не смогла рассказать правду нашим родителям.

Ханна замолкает, прислушиваясь к любым признакам присутствия в комнате ее брата, но не слышит ничего, кроме молчания. Мертвая тишина, не предвещающая ничего хорошего.

— Погодите-ка, с каких пор здесь стало так тихо?! — удивленно восклицает Ханна.

Вдруг дверь распахивается и рев пламени разносится по комнате. Занавески вспыхивают, и огонь быстро перекидывается на диван, где несколько секунд назад сидели дети. Элеанор испуганно окрикает их и притягивает к себе, Ханна же закрывает лицо руками. Пусть она рассказала свою страшную тайну, но ведь это не значит, что Джонатан ее простил. Вдруг он по-прежнему злится?

Миссис Уэйверли вырисовывается в обломках дверного проема, ее глаза светятся от ненависти, а обвисшая кожа вокруг ее зубов растягивается в насмешке.

— Почему ты снова закрыла меня, Элеанор? — хрипит скелет, а из его расколотого черепа вырываются высокие языки пламени. — Боялась сказать детишкам правду?

— Элеанор, о чем она? — подает голос Томас и запрокидывает голову, чтобы заглянуть сестре в лицо.

— Прошу, просто скажи нам! — молит Кларисса, бросая испуганные взгляды на застывшего в дверном проеме скелета.

Но до того, как Элеанор успеет сказать хоть слово, призрак миссис Уэйверли пересекает комнату, оставляя за собой огненную полосу. Ее когтистая лапа целится прямо в горло старшей дочери.

Ханна замечает этот выпад первой и уже собирается защитить девушку собой, но внезапно между Роуз и Элеанор возникает знакомая фигура.

— Джонатан?! — Ханна так и замирает на месте, потрясенно глядя на брата.

Он скрипит зубами и одной рукой обхватывает запястье миссис Уэйверли, тем самым останавливая ее, а затем переводит взгляд на свою сестру.

— Ну здравствуй, сестра, — его голос звучит тоскливо. Ханна больше не чувствует ненависти, которая раньше исходила от него.

— Джонатан, мне так жаль! — Ханна невольно всхлипывает и утирает катящиеся из глаз слезы рукавом рубашки. — Я должна была знать, что ты... что ты...

— Ты не могла знать. Не вини себя, — непривычно мягко говорит он. Вернее, Ханна уже отвыкла от этого его доброго тона, ведь каждую ночь на протяжении года ей в кошмарах являлся другой, злой Джонатан. — Рассказав мою историю, ты освободила меня. Но до того, как уйти, могу я сделать что-то хорошее для тебя, в конце концов?

— Отпусти меня, жалкое создание! — хрипит скелет, пытаясь освободиться.

Джонатан вздрагивает, когда острые когти Роуз впиваются в его обожженное лицо. Теперь поверх волдырей темнеют глубокие порезы. Ханна болезненно морщится, но отворачиваться не смеет. Она хочет накинуться на озлобленного призрака, но Элеанор останавливает ее, преграждая дорогу рукой.

— Ты не удержишь меня от моих детей!

— Ханна, я не могу держать ее слишком долго, — произносит Джонатан сквозь зубы. И хотя он ни на что не жалуется, выражение его изуродованного лица говорит само за себя, — вы должны закончить это сейчас.

Ханна переводит встревоженный взгляд с брата на Элеанор. Времени и правда совсем не осталось. Нужно разобраться со всем здесь и сейчас.

— Элеанор, пора! Ты должна сказать им... расскажи им все!

— Я... я не знаю смогу ли...

Голос Элеанор предательски дрожит. Ханна подходит к ней вплотную и бесцеремонно встряхивает девушку за плечи.

Ну же, Элеанор, соберись, что б тебя! Мы все в опасности, и сейчас только ты можешь это исправить!

Ее голову переполняют самые разные мысли вперемешку с отборными ругательствами. Но что толку срываться на Элеанор? Она ведь и правда страдает, ей не легко расстаться со своей

страшной тайной, как не легко было и Ханне. И вместо всего того, что крутится на языке, Ханна, глядя прямо в большие карие глаза, произносит:

— Ты сможешь! Поняла?! Сможешь!

Губы Элеанор подрагивают, но девушка на удивление быстро берет себя в руки, и на ее лице появляется твердая решимость.

— Прекрасно!

Она тянется к черной полоске ткани вокруг своей шеи и расстегивает застёжку сзади, позволяя воротничку упасть. На горле Элеанор зияет огромный порез. Ханна нервно присвистывает. Она, конечно, знала жуткую историю Уэйверли, но таких ран раньше вживую не видела. Из пореза до сих пор сочится кровь, но она неестественно густая и темная, почти черная.

— Не-е-ет! — вопит миссис Уэйверли, переводят взгляд со старшей дочери на других детей.

— Элеанор! — в голосе Клариссы слышится неподдельное беспокойство. — Что... что с тобой произошло?

— Мне жаль, дорогие, — с грустью произносит Элеанор, — но она сделала это, — девушка кивает в сторону призрака миссис Уэйверли. — Наша мать.

— Замолчи, ты мелкая...

Скелет хрипит и с ненавистью косится на старшую дочь, но Элеанор как ни в чем не бывало продолжает:

— Она... она убила нас. Всех нас. Простите, я должна была рассказать вам... Но она отравила вас, и когда я обнаружила ваши тела... Она сделала это.

Кончиками пальцев Элеанор дотрагивается до кровоточащего пореза на своем горле. Ее глаза полны боли и сожаления.

— Так... — нерешительно начинает Саймон.

— Так мы... — подхватывает Кларисса.

— Мертвы, — невесело заканчивает за них Томас.

Миссис Уэйверли воет от боли — ее тело окутывает высокий столб пламени. Волна тепла скатывается с нее, и призрак продолжает бушевать в руках Джонатана.

— Ты так много отняла у нас, мама, — с ненавистью произносит Элеанор. — Все потому, что ты боялась всего!

Роуз кричит. Ее кости превращаются в пепел и начинают отслаиваться, а ее грудная клетка рушится внутрь, когда огонь полностью поглощает призрака.

— Я защищала вас! — вопит она из последних сил, борясь с разрушительной силой пламени. — Мир за этими стенами слишком опасен! Я не хотела рисковать и потерять вас так же, как потеряла вашего отца!

— Ты не потеряла его, дура! — резко обрывает ее причитания Элеанор. От неожиданности Ханна вздрагивает и удивленно смотрит на девушку. — Он выжил на войне... Он был тем, кто нашел нас!

— Он... что? Я...

До того, как Элеанор успевает сказать еще хоть что-нибудь, миссис Уэйверли дрожит и падает на пол, а ее пламя гаснет. Ханна про себя отмечает, как жалок призрак этой женщины. Теперь, когда пламя не охватывает старые кости, видно и огромную дыру в черепе, и свалывшиеся русые волосы, и иссохшую нижнюю челюсть, и обугленные хрупкие ребра... Она не похожа на человека, как ее дети или даже Джонатан. Она просто жалкое иссохшее создание.

— Вильям... простил меня... — не веря собственным словам, произносит Роуз.

— Он ушел, мама, — резко вставляет свое слово Элеанор. В ее голосе не слышится ни капли сострадания, лишь неисчерпаемая ненависть. — И там, куда ты уйдешь, ты никогда не увидишь его снова.

В этот момент скелет рассыпается, и, когда кости касаются пола, они обращаются в пыль.

— Наконец-то все кончено!

Элеанор облегченно вздыхает и без сил падает на обгорелый диван, стоящий позади нее. На полу, прямо возле носка своей туфли, она замечает черную ткань. Наклоняется за ней и шарит руками по горлу, вновь закрывая кровоточащий порез черным воротничком.

— Элеанор... — звучит в тишине тихий голосок Саймона, — кто мы? Мы привидения?

Девушка притягивает младшего брата на свои колени и целует в макушку.

— Да, Саймон. Прости, но это правда, — после этих слов Элеанор переводит взгляд на Клариссу и Томаса. — Я знаю, как должно быть, вы злы на меня. Я... должна была рассказать вам все еще много лет назад. Я просто не могла вынести того, что раню вас.

Кларисса и Томас молча подходят к сестре и садятся с ней рядом.

— Элеанор, мы все понимаем, — Кларисса мягко улыбается сестре и гладит ее по руке. — Если бы я была на твоём месте...

— Я могу только представить, как тяжело тебе пришлось, — перебивает Клариссу Томас и смотрит на Элеанор с сочувствием.

Слезы переполняют глаза девушки, и она с теплотой обнимает своих родных. Ханна отворачивается от Уэйверли и ловит на себе взгляд Джонатана. Он смотрит как-то странно.

— Джонатан... — произносит она дрожащим голосом, — спасибо, что спас их... Что спас меня.

Он медленно кивает и словно не слышит ее.

— Джонатан?

Он отрывает взгляд от Элеанор, обнимающей своих родных, и смотрит на сестру:

— Я просто вспоминал, как все было, — хриплым голосом произносит он. В его словах Ханна улавливает нотки сожаления. — После всего того, через что прошли эти дети... тот факт, что они все еще любят и доверяют друг другу... Мне стыдно.

— Почему ты не сказал мне, что чувствуешь себя так... — Ханна делает небольшую паузу, подбирая подходящее слово, — безнадежно?

— Полагаю, я не знал как это сделать. И я убедил себя, что мои чувства никого бы не волновали.

Ханна внимательно слушает брата, боясь пропустить любое его слово. Она и подумать не могла, что так терзало Джонатана все это время.

— Ты не прав. Меня волновали.

— Сейчас я знаю это. Спасибо тебе, я наконец смог обрести мир.

— Я бы хотела, чтобы ты не уходил. Но я рада, что на этот раз смогла попрощаться.

Ханна подходит к брату и берет его обожженные ладони в свои. Джонатан мягко улыбается в ответ на этот теплый жест:

— Я тоже, сестренка.

В это же мгновение тело Джонатана окутывает нежный белый свет, и он начинает исчезать прямо на глазах.

— Прощай, Джонатан... Я люблю тебя!

— Я тоже люблю тебя, Ханна!

С улыбкой на лице Джонатан навсегда исчезает в белом свечении, а вместе с ним исчезают и жуткие кошмары Ханны. Девушка смахивает слезы с уголков глаз и поворачивается к Уэйверли. Элеанор смотрит на нее, печально улыбаясь.

— Ханна, ты в порядке?

— Я... да... Думаю, да. А ты?

— Думаю, что тоже, — но улыбка на ее лице остается печальной. — Давай выйдем в фойе ненадолго. Похоже, нам есть что обсудить.

— Согласна, — Ханна кивает.

— Я скоро вернусь, — девушка оборачивается на братьев и сестру, — И тогда... Ладно, обсудим это, когда вернемся.

Ханна следует за Элеанор в фойе. Сейчас, когда с призраком Роуз покончено, в усадьбе воцарился долгожданный покой. Элеанор закрывает дверь, чтобы дети не услышали их разговора.

— Так... — Ханна многозначительно смотрит на девушку.

— Так, — отвечает Элеанор, похоже, не собираясь начинать этот разговор.

Ханна вздыхает. Она прекрасно понимает, что Элеанор просто тяжело решиться на следующий шаг, и ее нужно подтолкнуть.

— Приятно наконец сказать правду. Будто тяжкий груз свалился с моих плеч, — Ханна передергивает плечами, как бы наглядно показывая, насколько ей стало легко.

— Согласна, — Элеанор улыбается. Но они обе понимают, что это еще не конец. — Ханна, я хочу поблагодарить тебя за все, что ты сделала для нас... Если бы ты не пришла, кто знает, как долго я бы тянула с тем, чтобы сказать им правду?

Девушка кивает в сторону гостиной. Ее лицо озаряет легкая улыбка. Все это время Элеанор хранила страшную тайну, не решаясь ее раскрыть. Пришлось даже запереть родную, пусть и свихнувшуюся, мать в подвале, лишь бы защитить младших от ее безумия и горькой правды.

— Так ты не злишься, что мы стащили твой ключ?

— Мне было любопытно, как вы это сделали. Это был Саймон, не так ли?

Ханна кивает, вспоминая хитрый план, тщательно проработанный вместе с остальными Уэйверли.

— Да, но я была той, кто подбил его на это. Прости меня, Элеанор, — девушка опускает глаза и косится на носки своих кроссовок.

— Все в порядке. Тебе бы не пришлось этого делать, если бы я не позволила вещам выйти из-под контроля.

— Элеанор, — голос Ханны дрожит, — надеюсь, это не слишком, но... есть еще много вещей, которые я не понимаю. Как то, что произошло с тобой и твоими родными.

Девушка тяжело вздыхает и нервно закусывает нижнюю губу:

— Я... я не люблю говорить об этом. Но я отвечу на один твой вопрос.

В голове Ханны пролетает целая вереница вопросов. Ей хочется узнать все: из-за чего Роуз убила собственных детей, куда делось ее тело, почему Элеанор не отравили как остальных... Ханна делает глубокий вдох, собираясь с мыслями, а затем шумно выдыхает.

— Ладно, если только один вопрос, то я хочу узнать, почему она сделала это.

Элеанор смотрит куда-то в сторону, ее лицо полно боли. Уточнять, о ком речь, не нужно, здесь и так все понятно. Во всех бедах семьи Уэйверли виноват один человек — Роуз Уэйверли, и Ханне интересно почему.

— Моя мать была... — Элеанор пытается подобрать подходящее слово, — не в себе. Она боялась всего... А после того, как отец ушел на войну, ее состояние сильно ухудшилось. Она убедила себя, что отец погиб на фронте и никогда не вернется домой. И она запретила нам выходить наружу, боясь, что мы можем пострадать. Я думаю... я думаю, она полагала, что это как-то

гарантирует нашу безопасность и мы никогда ее не покинем.

Ханна удивленно открывает рот, не зная, что на такое ответить. Эту часть истории она еще не слышала.

Так вот, что произошло на самом деле! Но все же, что стало с ее телом?

Покашливание Элеанор отвлекает Ханну от размышлений. Она поднимает глаза и сталкивается с расстроенным взглядом девушки.

— Элеанор, мне так жаль... Я не должна была...

— Ничего. Все в порядке. Я не виню тебя ни за вопрос, ни за твое удивление. Но я бы предпочла закончить с этим раз и навсегда.

На этой ноте Элеанор замолкает и поворачивается к дверям в гостиную. Она распахивает двери и входит внутрь, Ханна следует за ней. Дети все вместе сидят на диване, ожидая возвращения взрослых.

— Так... — Саймон первым нарушает тишину, — что будет дальше, Элеанор?

— Пришло время нам... — голос Клариссы предательски дрожит, — уходить? — она сжимает кулаки и опускает голову. Ханна замечает, как вздрагивают ее плечи.

— Боюсь, что так, — отвечает Элеанор и подходит к своим родным. — Но все не так плохо, верно?

— По крайней мере, мы будем вместе, — невесело отмечает Томас.

— И, может быть, мы увидим отца! — оптимистично добавляет Саймон. Его губы расплываются в радостной улыбке.

— Определенно! — Элеанор тоже улыбается. — Вам нечего бояться.

Девушка подзывает родных. Дети вскакивают с дивана и послушно подходят к старшей сестре, обступая ее. Элеанор прижимает их всех к себе.

— Просто закройте глаза и позвольте себе упасть. Я буду рядом, прямо здесь.

Элеанор раскрывает руки, показывая, что она будет здесь и поймает их, если что-то пойдет не так. Дети кивают. Они по-прежнему безгранично доверяют своей сестре несмотря на то, что

она столько времени держала их в неведении.

— Прощайте, Ханна, — Кларисса оборачивается к девушке и благодарно ей улыбается. — Спасибо вам за все.

— Ханна, мы будем скучать! Даже Томас! — Саймон с хитринкой смотрит на брата и весело хохочет.

Томас же не кидается на брата и не перечит ему. Его добрые голубые глаза обращены к Ханне:

— Полагаю, мне жаль прощаться...

— Прощайте! — Ханна улыбается детям в ответ. — Надеюсь, однажды вы все встретитесь снова.

Младшие Уэйверли закрывают глаза и берутся за руки. Элеанор тоже стоит в этом кругу, подбадривая родных своим присутствием. Через мгновение комнату заполняет мягкий белый свет...

Ханна чувствует, как слеза катится по ее щеке, а свет становится все ярче, пока не достигает своего апогея. Девушка зажмуривается, чтобы не ослепнуть. Когда через несколько секунд Ханна открывает глаза, младших Уэйверли уже нет. В гостиной остались только она и печальная Элеанор.

Элеанор едва сдерживает рыдания, ее глаза блестят из-за слез. Ханна проходит через всю комнату и заключает девушку в объятия.

— Все хорошо, — Ханна прижимает Элеанор к себе и гладит по спине. Девушка дает слабину и беспомощно всхлипывает.

— Просто... я надеялась, что этого не случится... У нас вся жизнь была впереди...

От строгой и холодной Элеанор ничего не осталось. Вместе с уходом детей она распрощалась со своей маской. Сейчас, рыдая на плече Ханны, она кажется хрупкой, нежной и беспомощной. Весь ее мир во второй раз перевернулся с ног на голову. Ханна осторожно похлопывает ее по спине, а затем отстраняется и заглядывает в распухшее и покрасневшее, но все-таки прекрасное лицо.

На ее щеках видны влажные дорожки. Ханна нежно берет девушку за подбородок и притягивает к себе. Их губы соприкасаются, сливаясь в сладком поцелуе. Элеанор не отстраняется, наоборот всем телом прижимается к девушке, позволяя себя целовать.

Через несколько приятных мгновений Элеанор разрывает поцелуй и мягко отстраняется.

Кончиком указательного пальца она смахивает остатки слез.

— Прощай, Ханна.

Комната медленно наполняется все тем же белым светом. Ханне снова приходится закрыть глаза, но при этом она чувствует, как тело Элеанор становится теплее в ее руках. Девушку окутывает странное ощущение, словно она окружена водой, но при этом может легко дышать. Не понимая, что происходит, Ханна открывает глаза...

— Элеанор!

Девушки, держась за руки, парят над полом гостиной в окружении яркого света. Элеанор моргает, широко раскрыв глаза.

— Ханна! — встревоженно зовет она. — Я чувствую... я чувствую себя по-другому!

Элеанор чувствует жжение под воротничком, и ее глаза становятся шире.

— Мой шрам! — она срывает ткань и осторожно ощупывает горло обеими руками. — Его нет!

— Что это значит?!

Вдруг Элеанор начинает хватать воздух ртом, словно ей не хватает кислорода. А когда это проходит, она берет Ханну за запястье и прижимает ее руку к своей груди.

— Что ты... Ох! — Ханна резко замолкает. Она чувствует, как бьется сердце Элеанор. — Как это возможно?

— Я не знаю! Но разве это не удивительно? — Элеанор счастливо улыбается. И Ханна молча отмечает, что рада видеть улыбку на ее лице. — Такое чувство, словно у меня есть второй шанс. Как будто мне открыты сразу два пути... — она замолкает, чтобы перевести дыхание. — Как думаешь, мне следует остаться здесь, в твоём мире?

Ханна внимательно смотрит на порозовевшее лицо девушки. Жизнь ей к лицу. И разве Ханна вправе решать чью-то судьбу? Вправе разрушать чьи-то мечты? Нет.

— Знаешь, я определенно хочу, чтобы ты осталась!

— Ты уверена?

— Я уверена! — в подтверждение своих слов Ханна ловит руки Элеанор в свои и крепко

сжимает. По ладоням разливается приятное тепло, а не привычный призрачный холод.

Элеанор все еще крепко держит руки Ханны, когда свет гаснет, и девушки мягко приземляются обратно на пол. Гостиная выглядит совсем иначе. Элеанор обеспокоенно оглядывается, но Ханна кивает, давая понять, что все в порядке.

Диван, на котором совсем недавно сидели дети, покрыт толстым слоем пыли, а на его зеленой обивке заметны дыры. Другая мебель сломана. Обои в некоторых местах повисли лоскутами, а на окнах висят обрывки дорогих штор. Пол покрыт пылью, щепками и мусором.

— Итак, — произносит Ханна с улыбкой на лице. Она рада вернуться в свой мир, да еще и не одна, — теперь твоя жизнь снова в твоих руках. Что ты хочешь сделать сначала?

— Честно? Я просто хочу убраться из этого дома.

— Тогда мы немедленно сделаем это! Идем!

Ханна хватается за руку девушки и, осторожно ступая на скрипучие половицы, выводит ее из комнаты, а затем и из дома. Они выходят на крыльцо. Снежный шторм утих, и наконец можно вздохнуть с облегчением. Виктор, все это время простоявший у входа, подбегает к девушкам с округленными от удивления глазами.

— Ханна? Что там произошло? — его голос звучит обеспокоенно, а взгляд мечется с Ханны на Элеанор и обратно. — И кто это, черт возьми?!

— Элеанор Уэйверли, — как ни в чем не бывало отвечает девушка, — рада встрече.

— Элеанор Уэйверли? — Виктор испуганно пятится. — Эм... Ханна, мне нужны ответы! И быстрее!

Девушки переглядываются, и вдруг взрыв их смеха нарушает тишину заброшенной усадьбы. Наконец, прекратив смеяться и держась за бок, Ханна говорит:

— Виктор, это довольно длинная история. Не против, если я расскажу все по пути домой?

— Эм... Полагаю, нет.

Все втроем они спускаются по ступеням и подходят к машине. Пока Ханна плутала по другому измерению и успокаивала миссис Уэйверли и своего брата, Виктор успел пригнать ее ко входу в усадьбу. Ханна подходит к задней двери и открывает ее для Элеанор. Девушка оборачивается, кидая последний взгляд на свой дом, и смело залезает внутрь. Ее решимость удивляет Ханну: все-таки в начале двадцатого века таких машин еще не было.

— Никаких сомнений? — спрашивает Ханна, падая на сидение рядом.

— Нет, ничего такого. Просто интересно, вернусь ли я сюда когда-нибудь.

— Если ты когда-нибудь захочешь вернуться, то я пойду с тобой, — Ханна накрывает ее руку своей ладонью.

— Спасибо, Ханна. Но сейчас, думаю, я готова сказать «прощай».

Ханна улыбается ей и наклоняется, чтобы пристегнуть ремень безопасности. Элеанор с интересом наблюдает за действиями девушки. Виктор молча поворачивает ключ, и машина плавно трогается с места.

<http://tl.rulate.ru/book/35689/774415>